

Если не дать выхода этой злости, то она ни за что не уляжется.

— Раз глава Фан согласился уйти в отставку, место лидера альянса пустует. Молодой господин Лань прямодушен и обладает выдающимся мастерством, он поистине идеальный кандидат, — предложил кто-то из толпы.

— Верно. Если бы не своевременное появление молодого господина Ланя прошлой ночью, боюсь, нас бы ждала печальная участь.

— Клянемся следовать за молодым господином Ланем до самой смерти и истребить культ демонов!

Лань Чжуй сидел в неприметном углу и все это время хранил молчание. Его мысли были где-то далеко, и лишь когда к нему обратились напрямую, он пришел в себя.

— Молодой господин Лань, то, о чем мы только что говорили...

— О, нет, — он прочистил горло, его лицо выражало крайнюю усталость. — Мое вмешательство в тот день было лишь сведением личных счетов с Фан Юньсюанем. У меня нет ни малейшего желания вникать в дела цзянху, а уж тем более брать на себя обязанности лидера альянса — младшему это просто не под силу.

Все присутствующие были ошарашены, но, поскольку слухи о том, что Лань Чжуй не гонится за славой и выгодой, ходили давно, удивляться было нечему.

— Увы... но кроме вас, молодой господин Лань, достойных кандидатур больше нет.

— Если в мире боевых искусств случится беда, Лань не останется в стороне. Но...

— Раз уж молодой господин Лань не желает, мы не станем принуждать, — произнес четвертый молодой господин Тан. — Сейчас самое главное — придумать, как спасти госпожу Фан. А когда мы разберемся с демоническим культом, будет еще не поздно выбрать лидера.

Хотя Тан Лань был известен в цзянху, он все же принадлежал к младшему поколению, и в подобных обстоятельствах ему не следовало бы вступать в разговор. У Тан Ланя были узкие, длинные фениксовы глаза, он носил темно-синий халат тонкой работы, а когда смотрел на людей, то всегда невольно задира подбородок, что придавало ему несколько высокомерный вид.

С самой первой встречи на собрании мастеров боевых искусств Лань Чжуй испытывал к Тан Ланю необъяснимую неприязнь. Люди из Клана Тан всегда славились скромностью и вежливостью, и этот самонадеянный Тан Лань был настоящим исключением.

— Лес Священного Древа круглый год окутан густым туманом, посторонним снаружи ни за что не разглядеть скрытые там ловушки. Я изучал это место больше месяца, но так ничего и не добился, — в голосе Тан Ланя звучало раздражение. — Похоже, чтобы попасть в лес, нам придется захватить кого-то из adeптов демонического культа в качестве проводника.

— Теперь, когда враг обозначил себя, он, вероятно, уже настороже. Боюсь, это будет нелегко.

— Увы, враг в тени, а мы на свету. Сейчас остается только ждать, — настоятель Дэюань посмотрел на Фан Хуаньтяня, чье лицо выражало глубокую скорбь. — Главе Фан не стоит так беспокоиться о безопасности дочери. Если бы Фан Юньсюань хотел ей навредить, он не стал бы тратить силы на ее похищение.

Стоило кому-то упомянуть это имя, как сердце Лань Чжуй пронзила острая боль, словно его снова разрывали на части. Обсуждения окружающих больше не доходили до его сознания; он молча поднялся и, не произнеся ни слова, покинул главный зал.

Только Тан Лань заметил его уход и, задумавшись, прищурил глаза.

Лань Чжуй бродил без всякой цели, а опомнившись, обнаружил, что невольно вернулся к той маленькой хижине у задних гор. Горы и реки остались прежними, и лишь люди — самое переменчивое, что есть на свете.

Каждая травинка и каждое дерево в лесу, казалось, хранили тень Фан Юньсюаня. Лань Чжуй замер на месте, глядя на мерцающую гладь озера, и вспомнил, как тот резвился в воде. Каждое слово, каждая улыбка — все врезалось в память до глубины души.

Последние два дня он не мог сомкнуть глаз. Стоило ему забыться, как перед взором возникала сцена того дня: его собственный Клинок Разрывающего Пустоту вонзается в тело того человека, а тот даже не пытается уклониться, позволяя крови течь. В глазах Фан Юньсюаня Лань Чжуй не нашел раскаяния, лишь упрямство. Если бы он тогда не ушел, то не сдержался бы и заключил его в объятия.

Он ненавидел его за обман, за то, что позволил водить себя за нос, как дурака, заставив поверить, будто он значит для него нечто особенное, в то время как был лишь пешкой в игре мести.

Ненависть затмила разум, и к тому времени, как он осознал ошибку, удар был уже нанесен. Попытка удержать внутреннюю энергию привела лишь к тому, что он ранил себя, но не смог уберечь другого. Тот удар, нанесенный со всей силой, не только разрубил плоть, но и разорвал его собственное сердце.

Он ненавидел его за холодность, но это не могло скрыть правду: он все еще любил его.

Клинок Разрывающего Пустоту со звоном покинул ножны. Лань Чжуй издал приглушенный рык, словно пытаясь выплеснуть гнетущую его тоску, и принялся неистово размахивать лезвием в лесу. Каждый взмах поднимал вихрь, ци меча сверкала, подобно радуге. Когда опали последние лепестки и небо окрасилось вечерней зарей, он, тяжело дыша, без сил опустился на колени.

Одаренный свыше Лань Чжуй впервые пролил слезы, но тот, кого он пытался любить всеми силами своей души, никогда их не увидит.

С тех пор как Культ Линъинь раскрыл свои карты, в цзянху не было ни дня покоя. Праведные и злые столкнулись в кровавой резне, ежедневно приносящей бесчисленные жертвы. К несчастью, провокаторы, что нападали на них, были лишь мелкими сошками культа, никто из них не входил в Лес Священного Дерева.

Фан Юньсюань, чтобы спокойно залечить раны, не делал ни шагу за пределы леса. Снаружи то и дело собирались ученики различных школ, которые, не выдержав ожидания, начинали выкрикивать проклятия, но внутри было тихо — никто не обращал на них ни малейшего внимания.

В ту ночь небо было черным как смоль. Снаружи Леса Священного Дерева снова собралось около двадцати человек. Покричав некоторое время, они разожгли костер и начали жарить пойманных кроликов. И тут из глубины леса медленно вышла фигура: огненно-красные одежды, лицо — словно выточенное из нефрита.

Толпа, словно увидев дичь, пришла в восторг: все побросали еду и выхватили оружие. Они караулили здесь больше полумесяца, и изнутри даже мышь не высывалась, их терпение давно иссякло, поэтому при виде живого человека все ликовали. Захватить его живьем, вывести тайны лесных массивов и уничтожить культ демонов — победа была близка!

— Разве не невежливо устраивать пирушки у чужих дверей посреди ночи? — юноша в красном слегка улыбнулся, его голос звучал безмятежно.

Большинство присутствующих были малозначимыми учениками различных школ, не участвовавшими в битве при Крепости семьи Фан, поэтому, естественно, не знали, что этот дьявольски красивый мужчина — один из стражей Культа Линъинь.

Видя, что он ведет себя утонченно и выглядит довольно хрупким, все начали потирать руки.

— Ха-ха-ха, и это всё? Я-то думал, что за персонаж. Неужели после того, как ваших свирепых

старейшин перебили, в Культе Линъинь остались только такие книжные черви?

Как только прозвучала эта насмешка, смех остальных застрял в горле, глаза расширились от ужаса.

Тот, кто только что говорил, замер. Ощувив покалывание в горле, он хотел было поднять руку, чтобы коснуться его, но раздался звук — хлопок, и кровь фонтаном хлынула из раны.

Даже не успев вскрикнуть, он беззвучно рухнул на землю. Голова покатилась по траве с широко раскрытыми от ужаса глазами.

Холод пробежал по спине каждого. Они дружно уставились на юношу в красном: тот, не переставая улыбаться, обвел их взглядом, а в его руке неизвестно откуда появилась серебряная флейта, отливающая холодным светом.

— Ты... ты тот самый Гун Цюйчэнь? — прорычал кто-то из толпы.

Кто в мире боевых искусств не слышал о Демонической флейте Западных Регионов и не дрожал при одном ее упоминании?

Стоило словам затихнуть, как огненно-красная фигура взмыла в воздух, и тут же в лесу вспыхнули отблески клинков. Раздались крики, и не прошло и четверти часа, как все два десятка человек лежали на земле.

Гун Цюйчэнь спрятал флейту за пояс, стряхнул пыль с одежды и, не взглянув на трупы, растворился в темноте.

Вернувшись в комнату, он обнаружил, что Фан Юньсюань снова погружен в глубокие раздумья. В последнее время тот все время был чем-то занят, уходя в себя. Глядя на его отрешенный вид, он невольно вздохнул: как бы он ни старался, он никогда не займет самого важного места в его сердце.

Фан Юньсюань, услышав вздох, сразу очнулся и увидел, что Гун Цюйчэнь стоит у кровати с печальным выражением лица.

— Еще не отдыхал?

Гун Цюйчэнь покачал головой и присел рядом.

— Собаки лаяли так, что я не мог уснуть, пришлось выйти разогнать их.

Фан Юньсюань улыбнулся:

— С твоим вспыльчивым нравом боюсь, ты рано или поздно наживешь себе неприятностей. — Заметив, что тот хочет что-то сказать, но медлит, он спросил: — Что случилось?

— Сяояо... ты хоть немного жалеешь о том, что выбрал этот путь? — тихо спросил Гун Цюйчэнь, пытаясь прощупать почву.

— О чем жалею?

— О том, что... стал его врагом.

Фан Юньсюань замер и слегка опустил глаза.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что я чувствую, как ты изменился, — Гун Цюйчэнь отвернулся, не желая смотреть на него. — Раньше в твоих мыслях была лишь месть, но теперь она вытеснена им.

— Нет...

— Не спеши отрицать, я знаю тебя лучше, чем ты сам, — он перебил его с легкой горечью в голосе. — В последнее время ты постоянно витаешь в облаках, даже не замечаешь, когда кто-то подходит. Я знаю, что ты думаешь о нем.

— Цюйчэнь, я... — он хотел оправдаться, но понял, что не находит слов.

Гун Цюйчэнь вдруг усмехнулся над самим собой:

— Неужели на нашей школе лежит проклятие? Похоже, мы оба полюбили тех, кого не должны были.

На лице Фан Юньсюаня промелькнуло чувство вины. Он открыл рот, но ничего не смог произнести, и лишь глубоко вздохнув, обнял человека рядом за плечи.

Голова Гун Цюйчэня естественным образом опустилась на его плечо, а на губах заиграла удовлетворенная улыбка.

— Сяояо, когда я выходил, я заметил, какая сегодня полная луна.

В этом подземелье, где не было различий между днем и ночью, невозможно увидеть сияющий свет луны.

Фан Юньсюань молча обнимал его. В темноте дыхание Гун Цюйчэня становилось все ровнее, а голова на плече — тяжелее.

Ночи под землей всегда веяли сыростью. Какой бы крепкой ни была плоть, долгая жизнь в этом проклятом месте доведет любого до болезни. Наверное, тяжелый недуг учителя Тун Тяньцзя тоже был связан с этой холодной сыростью.

Фан Юньсюань осторожно уложил Гун Цюйчэня на кровать, накрыл его одеялом и, склонившись в темноте, нежно поцеловал спящего в лоб.

В этом поцелуе, полном нежности, были и вина, и сострадание.

Помимо сердца, которое уже отдано другому, я могу дать тебе всё.

Звезды сияли ярко, полная луна висела в зените.

Осенний ночной ветер пробирал до костей. Опершись спиной о ствол бамбука, с кувшином крепкого вина в руках, Лань Чжуй смотрел на полную луну, и в его глазах читалась бесконечная печаль.

Возможно, из-за хмеля он не заметил, как кто-то спустился с неба и встал рядом. Кувшин, который он поднес к губам, выхватили из рук. Он опешил, перевел взгляд на вошедшего и увидел, что тот приложился к вину.

Лань Чжуй вздрогнул, затем разочарованно и растерянно улыбнулся:

— Видимо, я и вправду перепил.

Фан Юньсюань прошептал:

— Дурак.

Лань Чжуй снова замер, глядя на человека перед собой, смешно моргая:

— Ты...

— Дурак. Если не хочешь лезть в эту мутную воду, возвращался бы в свой императорский дворец Династии Янь, зачем строить из себя героя и топить горе в вине?

Фан Юньсюань вздохнул:

— Ты ведь не человек цзянху, но вечно лезешь не в свои дела. Ваша так называемая праведность лишь способ защитить собственные интересы. Я не хотел вовлекать невиновных, но кое-кто сам напросился. Ты правда считаешь меня кровожадным демоном, которому нравится жить с клинком у горла?

— Почему... ты все еще приходишь ко мне? — неровно дыша, спросил Лань Чжуй.

Фан Юньсюань не ответил. Он сел рядом с ним, задрал голову и глядя на луну, и слабо улыбнулся:

— Завтра будет хороший день.

Лань Чжуй не сводил с него глаз — нежных, тоскующих, почти отчаянных. Он тихо произнес, голос его охрип:

— Юньсюань, не нужно больше бороться, пойдем со мной. Мир велик, куда бы ты ни отправился, я пойду следом.

Фан Юньсюань встал, огляделся и наконец остановил взгляд на чистой глади озера.

— У тебя есть твоя решимость, а у меня — моя твердость. Возможно, некоторые вещи прекрасны лишь до тех пор, пока остаются в воспоминаниях.

Лань Чжуй тоже поднялся, но от хмеля его пошатывало, он вцепился в бамбук так, что пальцы побелели.

Лицо Фан Юньсюаня вдруг изменилось, тело напряглось, и спустя мгновение он подался вперед, падая прямо в объятия Лань Чжуй. Лань Чжуй не успел среагировать, ноги подвели их обоих, и они рухнули на землю.

Не успели они встать, как Лань Чжуй почувствовал тепло на своих губах. Он расширенными глазами смотрел на того, кто был перед ним, забыв как дышать.

Фан Юньсюань быстро отстранился, посмотрел на него сверху вниз, решительно улыбнулся и тут же исчез из виду.

Пробежав несколько сотен метров и убедившись, что погони нет, Фан Юньсюань остановился, тяжело дыша. Посмотрев на небо, он понял, что скоро рассвет. Если он покинет пределы Крепости семьи Фан, то при его мастерстве цингун доберется до Леса Священного Древа за полчаса, но при нынешнем состоянии...

Он самоиронично усмехнулся, не в силах вынести острой боли в груди, и осел под дерево.

В последнее время яд проявлялся всё чаще, но он все равно осмелился явиться в Крепость семьи Фан, чтобы увидеть Лань Чжюя. То, что его не обнаружили, было заслугой лишь того, что он прекрасно знал местность и график смены караула.

На самом деле он пришел сегодня увидеть Лань Чжюя лишь из собственного упрямства.

Он просто хотел в день своего рождения увидеть его хотя бы раз.

Почувствовав холод за спиной, он обернулся, но было поздно: лезвие меча, лишенное всякого тепла, прижалось к его горлу. Стоило лишь слегка пошевелиться, как лезвие прорезало бы кожу.

Человек за его спиной не терял бдительности, быстро нажав несколько точек на теле. Заметив, как побледнело лицо Фан Юньсюаня, он довольно прищурился:

— Я ломал голову, как выманить тебя из норы, а ты сам пришел в руки.

Фан Юньсюань мысленно проклинал себя за неосторожность, глядя на врага холодным взглядом:

— Чего ты хочешь?

— Проведи меня в Лес Священного Древа.

— Мечтай.

Тан Лань слегка разозлился и надавил на меч — острое лезвие рассекло нежную кожу, и из раны проступила алая кровь.

— Ты думаешь, я боюсь смерти? — Фан Юньсюань насмешливо улыбнулся.

— Не бойся, пока я тебя не убью, — Тан Лань издал странный смешок. — Но тому пьянице у задних гор может повезти меньше. Боюсь, он сейчас настолько пьян, что и меч удержать не в силах, да и не ждет подвоха от своих...

Встретившись со взглядом Фан Юньсюаня, полным намерения убить, Тан Лань на секунду замялся, но тут же вспомнил, что этот человек теперь лишь его пленник, и осмелел:

— Я видел всё, что вы вытворяли в лесу. Ты не боишься смерти, но готов пожертвовать возлюбленным ради отправки к Янь-ваню?

Фан Юньсюань издал холодный смешок, в его глазах застыл лед.

— Хорошо. Раз ты так стремишься умереть, я исполню твое желание.

Глаза Тан Ланя блеснули, он щелкнул пальцами, и из темноты тут же выскочили два десятка теней. По их одежде было ясно, что это ученики Клана Тан.

Группа повела Фан Юньсюаня, чья ци была заблокирована, по направлению к Лесу Священного Дерева.

Они двигались по указаниям Фан Юньсюаня, пробираясь через лес полчаса. К тому моменту, как они успешно вошли в чащу, шесть или семь человек уже погибли, сбившись с пути и попав в ловушки. Тан Лань сам был мастером механизмов, но сейчас с него градом катился пот.

Все семьдесят два набора шагов требовали не только точности, но и мастерства цингун высшего уровня. Любая ошибка — и ты погребен под градом скрытого оружия.

Тан Лань было подумал, что внутри леса они в безопасности, но, услышав два крика позади, в ужасе обернулся. Двое последних учеников Клана Тан были схвачены колючими лианами за шеи и вздернуты высоко на деревья. Не успев даже побороться, они погибли от разорванных артерий, лишь болезненно дернувшись в последний раз.

Холод поднялся от самых ступней. Глядя на эту кровавую сцену, все забыли, как дышать.

Раздался хлопок, и еще один ученик Клана Тан пролетел мимо них, насаженный серебряным копьём на ствол дерева.

Тан Лань вздрогнул и быстро обернулся. Перед подземным проходом стояла группа людей в черном, а возглавлял их никто иной, как ослепительно красный Гун Цюйчэнь!

Гун Цюйчэнь смотрел на лезвие у горла Фан Юньсюаня, его взгляд был холодным, как лед.

— Вот на что способны так называемые праведники — лишь на подлость. Культ Линъинь, Лес Священного Дерева — не место, куда могут врываться такие крысы!

Тан Лань, полагаясь на козырь в виде Фан Юньсюаня, не уступал:

— Двадцать лет назад после кровавой битвы Тун Тяньцзя с праведниками он десять лет правил миром боевых искусств. Ходят слухи, что секретные техники школ, проигравших ему, высечены в подземном алтаре Культа Линьинь. Люди цзянху уже давно точат мечи, чтобы найти их.

— Значит, ты пришел не ради той женщины.

— Хм, этот старый хрыч по фамилии Фан ничего не дал Клану Тан, с какой стати мне спасать его дочь? — он толкнул Фан Юньсюаня. — Веди меня вниз.

Фан Юньсюань пошатнулся, и в этот миг за спиной раздались громкие звуки: из-под земли, словно змеи, вырвались бамбуковые лозы и сжали ноги нескольких учеников Клана Тан, сдавливая их до хруста костей, пока те не падали с воплями на землю.

Тан Лань с удивлением обернулся, но лишь на секунду, заметив перемену вокруг. Он поспешно развернулся, но было поздно — он не успел вернуть себе Фан Юньсюаня, которого увел Гун Цюйчэнь, и лишь чудом увернулся от летевшего прямо в переносицу меча.

В следующий миг в лесу замелькали тени — адепты Культа Линьинь больше не сдерживались и обрушили на учеников Клана Тан беспощадные удары.

Тан Лань не успел пожалеть о своей беспечности, как Гун Цюйчэнь нанес смертельный удар.

Тан Лань с юных лет уже многого добился в цзянху, и не без причины. В этом поколении Клана Тан детей было мало, и господин Тан, получив наследника лишь после сорока, души в нем не чаял, передав всё, что знал сам. Тан Лань обладал природным талантом, и за несколько лет освоил восемь из десяти секретов техники меча Клана Тан.

Гун Цюйчэню в битве с ним приходилось несладко. Жители Западных Регионов не были искусны в фехтовании; Тун Тяньцзя прославился своей флейтой и за всю жизнь не использовал другого оружия.

Технику меча Гун Цюйчэнь перенял у Фан Юньсюаня. Выросший в Первой Крепости Поднебесной, Фан Юньсюань владел любым оружием, и чтобы Гун Цюйчэнь мог защитить себя, обучил его фехтованию. Однако тот начал слишком поздно и так и не постиг сути: в поединках с Юньсюанем он терял меч уже после пяти приемов.

Фан Юньсюань сидел под деревом, не успев снять блокаду с точек, и с тревогой наблюдал за хаотичной схваткой. Культ Линьинь славился своей жестокостью, но в столкновении с мастерами скрытого оружия Клана Тан не имел преимущества.

Дыхание Фан Юньсюаня перехватило: лезвие меча Тан Ланя опасно приблизилось к голове Гун Цюйчэня. К счастью, тот увернулся в последний момент, и меч срезал лишь красную ленту, скреплявшую волосы. Черные пряди водопадом рассыпались по плечам, и Гун Цюйчэнь, тяжело дыша, тяжело осел на землю — преимущество было потеряно.

Серебряная флейта выпала, он поспешно схватил ее, но, взглянув на Фан Юньсюаня, отвлекся.

Звук магической флейты заставлял плакать богов и демонов в радиусе ста ли. Если не иметь глубокой внутренней энергии для защиты, внутренние органы могли разорваться, а кровь — хлынуть из всех отверстий. Фан Юньсюань был заблокирован и не мог пошевелиться, как он выдержит это?

Тан Лань понял, что соперник ему не ровня, и нанес еще более яростный удар, целясь в смертельные точки.

Гун Цюйчэнь чувствовал, как боль пронзает всё тело — его одежда была иссечена ударами меча Тан Ланя. Остальные в пылу битвы были заняты собой, и спустя мгновение тихий лес превратился в арену смерти, полную звона стали и стонов.

<http://bllate.org/book/21134/2143997>